

УДК 811.11.2'1

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ФИТОМОРФНЫМИ МЕТАФОРАМИ
В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***Р. Д. Керимов***CONCEPTUALIZATION OF SOCIAL REALITY BY PHYTOMORPHIC METAPHORS
IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE***R. D. Kerimov*

В статье рассматриваются особенности концептуализации социально-политической реальности современной Германии и Евросоюза посредством фитоморфной метафоры, которая эксплицируется в немецких политических текстах наименованиями видов, составных частей, вегетативного цикла и мест произрастания растений. В политическом дискурсе фитоморфизмы выступают как средством упорядочивания социального опыта и знаний немецкой политической элиты, так и средством общественно-политической идеологизации.

The article is dedicated to the cognitive study of conceptualization of social reality of Germany, European Union and the remaining world by phytomorphic metaphors. They manifest metaphorical use of their representative words as plant species, parts of various plants (root, twig, fruit etc), vegetative cycle and places of growing. These conceptual metaphors are a means of accumulation of experience and knowledge of German political elite as well as a tool of social ideologizing in the political discourse.

Ключевые слова: политическая лингвистика, когнитология, концептуальная метафора, немецкий политический дискурс, концептосфера, фитоморфная метафора.

Keywords: political linguistics, cognitive science, conceptual metaphor, German political discourse, conceptual domain, phytomorphic metaphor.

Политический дискурс обслуживает специфическую сферу общественных и межгосударственных отношений и часто тяготеет к использованию метафорических единиц для различных целей, главной из которой является описание (концептуализация) некоего фрагмента действительности, который должен создавать нужное для отправителя речи (адресанта (оратора) – политика, правительства, оппозиции) впечатление о реалиях социально-политической жизни в стране и мире у своих сторонников и оппонентов, всех граждан ФРГ, своих союзников и у мирового сообщества.

Главным орудием социального освоения окружающего мира является метафора, когнитивная природа которой проявляется в связи двух понятийных (концептуальных) сфер (концептов): «исходной» сферы данной языковой единицы и «сферы-мишени» для переносного значения [см.: 1; 2]. Корреляция двух этих сфер в рамках бинарной связи некой идеальной (ментальной) модели представляет собой когнитивную (метафорическую) модель, которую используют для более наглядного представления и описания механизма концептуализации во всей лингвокультуре (в данном языке), а также в определенной политической культуре.

Настоящая работа отражает небольшой фрагмент результатов когнитивного исследования немецкой политической речи новейшего времени в истории Германии (периода единой с 1990 г. Германии) и базируется на выборке порядка 5,5 тыс. метафорических единиц, полученной на основе изучения материалов более 800 текстов официальных публичных выступлений ведущих немецких политиков (федеральных президентов, федеральных канцлеров, федеральных и земельных министров,

депутатов германского бундестага от правящих коалиций и от оппозиции), а также в процессе работы с толковыми словарями современного немецкого языка, послужившими узואльным источником устойчивых, идиоматических выражений, соотносящихся с актуальными для настоящего исследования понятийными сферами.

Современную действительность отражают многообразные метафорические модели, которые классифицируются на основе выделения служащих источниками метафорической экспансии понятийных сфер. Исходными понятийными сферами переноса наименования для политических (по сфере-мишени) метафор выступают биологическая, социальная и предметная понятийные области жизнедеятельности человека, а также сфера живой и неживой природы, к которой в свою очередь относятся зоо, фито- и геоморфная метафорика, метеорологические метафоры и метафоры стихий.

Фитоморфная метафорика связана с проекцией в сферу немецкой политической риторики наименований царства растений, среди которых выделяются собственно номинации растений (например, цветы, деревья) и их отдельных частей (корни, стебли, плоды и пр.), жизненных циклов растений (посадка, рост, цветение и т. д.) и мест их произрастания и цветения (почва, теплица, поле, лес и др.).

Из всего многообразия флоры актуальными в современном немецком политдискурсе являются обобщенные номинации растений („die Pflanze“), цветов („die Blume“) и деревьев („der Baum“), а также отдельных видов цветов („die Orchideen“) и их объединений („der Strauß“, „der Blumenstrauß“). Метафорические образы возникают, как правило, на основе уподобления по механизму производимого

действия (рост, развитие) и внешнего качества (внешнего вида) уподобляемых предметов.

Актуализация общей номинации растений связана с описанием процесса их роста, цветения и т. д. Растущее растение создает позитивный образ развития, а цветущее растение – образ процветания, благосостояния, успеха, плодотворной работы, хотя, как отмечается в политических контекстах, для хорошего роста требуются определенные условия: „Ralph Waldo Emerson hat Mitte des 19. Jahrhunderts einmal gesagt: „Handel ist eine Pflanze, die wächst, wo Frieden ist, sobald Frieden ist und solange Frieden ist“. Ich wünsche Ihnen, dass Ihre Bemühungen um inneren und äußeren Frieden diese Pflanze zu voller Blüte gedeihen“ (Müller 2003b).

Образ цветов в свою очередь является не типичным и редким для политической риторики, поскольку цветы создают эстетические представления о красоте, молодости, от чего очень далека социальная реальность, оперирующая другими категориями. В связи с этим номинации цветов (включая конкретные их виды) реализуются в устойчивых выражениях и в единичных окказиональных словоупотреблениях.

Так, лексема „der Strauß“ («букет») означает совокупность растений, чаще всего – цветов, предназначенную для эстетического удовольствия, украшения и т. д., а в переносном значении активируется сема количества/множества, что является не основным, второстепенным признаком данного объекта, но актуальным при метафорическом переносе. Таким образом, слово «букет» выражает множество, большое количество чего-либо (ср., например, в медицинской терминологии: «букет заболеваний»), а прилагательное „bunt“ в функции атрибута придает имени существительному качественные характеристики («хороший», «благоприятный», «позитивный»).

В следующем отрывке политического выступления традиционный метафорический образ регенерируется за счет использования дополнительных лексических единиц из той же самой исходной концептосферы („eine schöne Blume“), которые как бы оживляют внутреннюю форму исходного выражения, посредством чего в традиционное значение добавляется окказиональный образ: „Da gibt es einen bunten Strauß von Möglichkeiten, und jedes Unternehmen ist willkommen, den Strauß mit einer schönen Blume zu ergänzen“ (Rau 2002a: 360). В приведенном выше контексте новая лексическая единица „eine schöne Blume“ передает значение добавления к «множеству» („der bunte Strauß“) еще одного элемента, что делает количество элементов еще больше и намного разнообразнее.

Среди индивидуально-авторских языковых новообразований порой могут встречаться неожиданные интерпретации социальных явлений в разных сферах, в частности – в системе школьного образования ФРГ. Интересным представляется образ «орхидеи» („die Orchidee“), экзотического цветка, ассоциирующегося с чем-то прекрасным, эстетически ценным.

В системе школьного образования к так называемым „Orchideen-Fächern“ (то есть «школьные предметы-орхидеи») относятся уроки по творческо-

му развитию личности (рисование, музыка и т. п.), ср.: „Das ist sicher nicht der richtige Weg. Nun muss man sich allrdings ansehen, dass wir seit Jahrzehnten die Frage der Auslastung in unterschiedlichen Fachbereichen und Fächern vor uns her schieben. Dass da Entscheidungen zwischen so genannten Orchideen-Fächern und Massenfächern getroffen werden müssen, gehört zum täglichen Leben“ (Rau 2002b: 589).

Образ дерева создает в политических текстах впечатление о чем-то фундаментальном, созревшем, развившемся до определенного высокого уровня. В контексте метафорического словоупотребления «дереву» как символу основательности, силы, мощи („ein starker Baum“) противопоставляется «слабое (нежное, хрупкое) растение» („zartes Pflänzchen“), что можно рассматривать как разные этапы жизни дерева (начальный этап → слабое растение (саженец); зрелый этап → сильное, мощное дерево). Подобным образом немецкие политики и, в частности, экс-федеральный канцлер Г. Шрёдер описывают состояние демократии в своей стране как «сильное дерево», а «не хрупкое растение», ср.: „Die gemeinsame Geschichte verpflichtet auch uns. Aber inzwischen – das ist gut so – ist unsere Demokratie kein zartes Pflänzchen mehr, sondern ein starker Baum“ (Schröder 1999: 35).

Отдельные части растений и деревьев (корни, ветви, плоды и пр.) также активно используются в различных контекстах, некоторые номинации получили в немецкой лингвокультуре традиционный статус. В данном случае метафорическая модель переноса наименования базируется на механизме сходства по функции, по производимому действию и по внешней форме.

Корень – важная часть растительного организма, выполняющая две основные функции: закрепление растения в определенном месте произрастания и снабжение растения полезными, питательными веществами. Обе эти функции реализуются при метафорическом переосмыслении, а сама метафора уже стала традиционной в немецком языке и встречается в виде слов разных частей речи с этимологическим корнем *wurz*: имя существительное „die Wurzel“ («корень»), глаголы „wurzeln“ («укореняться, пускать корни; корениться (в чем-либо)») и „verwurzeln“ («(глубоко) укореняться»), имена прилагательные „wurzlig“ и „wurzlig“ («с большим количеством корней»).

Помимо, собственно, биологии (ботаники) слово „die Wurzel“ является продуктивным термином (или частью составного термина) в терминосистемах разных наук (анатомия, математика, лингвистика, горное дело, электротехника, медицина (одонтология), экономика, юриспруденция и т. д.). В частности можно упомянуть юридические понятия, как „sozialökonomische Wurzeln der Verbrechen“ («социально-экономические корни преступления»), „Wurzeln der Straftaten“ («корни преступлений [уголовно наказуемых деяний]»).

В переносном значении лексема „die Wurzel“ получает значение „etwas, worauf etwas als Ursprung, Ursache zurückzuführen ist“ [DGW 2000], то есть

здесь активируется сема «произрастание (на определенной территории)». В отличие от растения, которое растет только там, где располагаются его корни, человек или иной (неодушевленный) объект могут иметь корни в одном месте (то есть происходить откуда-то, из одного места), а находиться в другом месте, что для растения невозможно, то есть при концептуализации неких социальных реалий полностью переосмысляется особенности метаболизма и морфологии растений: „Das alles hatte seine alten geschichtlichen Wurzeln“ (Weizsäcker 1988: 21). „Muss die Kirche sich wieder mehr auf ihre christlich-jüdischen Wurzeln besinnen?“ (Rau 2000: 300).

Широкое распространение получили также понятия „geistige / kulturelle Wurzeln“ («духовные / культурные корни»), выражающие преемственность в искусстве, религии, политике и идеологии, как это, например, представлено в следующем контексте: „Wenn das unsere Stärke ist, dann liegt darin auch unsere globale Verantwortung. Sie besteht darin, an diesem Modell einer verantwortungsbewussten, auf starke kulturelle Wurzeln bauenden Wirtschaftsordnung weiter zu arbeiten“ (Rau 2001b: 73).

При активации внутренней формы, то есть буквального значения лексемы в метафорическом контексте путем введения новых единиц из той же самой концептосферы могут получиться интересные, развернутые за счет авторской интерпретации образы. Так, прерывание преемственности в культуре и в иных сферах общественной жизни, домысливая образ «корней», экс-президент ФРГ (1999 – 2004 гг.) Йоханнес Рау в одной из своих речей назвал «зарытыми/погребенными корнями» („vergrabene Wurzeln“). Восстановление культурных и социальных связей соответственно сводится к тому, чтобы «откопать/вскрыть» („aufdecken“) эти старые связи, помимо этого предлагается вместе «посадить (новые) деревья жизни» („gemeinsam Bäume des Lebens pflanzen“), то есть воссоздать, закрепить, заложить (новые) отношения: „Ich wünsche der Hochschule für Jüdische Studien viele wissbegierige junge Menschen. (...) Ich wünsche Ihnen, dass Sie die vergrabenen Wurzeln aufdecken und ich wünsche Ihnen, dass wir gemeinsam Bäume des Lebens pflanzen“ (Rau 2000: 167).

Глагол „verwurzeln (in Dat)“ («пускать корни, укореняться (где-либо/в чем-либо)») в переносном смысле характеризует закрепление определенных взглядов, подходов, идей и идеологических парадигм. Важные принципы внешней политики могут «пустить корни» даже в «сердцах людей» („in den Herzen der Menschen verwurzeln“), то есть, по мнению оратора, войти в их систему ценностей и стать их основным принципом работы: „Tatsächlich hat die nordische Zusammenarbeit eine besondere Qualität. Sie ist, mehr als viele andere Formen regionaler Kooperation, in den Herzen der Menschen verwurzelt“ (Rau 2000: 163).

Использование причастия II глагола „verwurzeln“ в атрибутивной функции („verwurzelt“) выражает приверженность политика своим идеалам и взглядам, убежденность в правильности какой-либо определенной политической идеи. Так, в сле-

дующем контексте именно словосочетание „ein verwurzelter Europäer“ указывает на ярого сторонника европейской интеграции (в рамках Евросоюза): „Ich weiß, dass Sie ein verwurzelter Europäer und kein Nationalist sind“ (Glotz 1999).

Традиционный статус в немецком языке получило переносное значение слова „der Zweig“, базирующееся на механизме сходства по форме и в самых разных науках обозначающее «ветвь, отрасль, часть чего-то целого» (например, в анатомии, сравнительно-историческом языкознании, биологии, экономике). В качестве экономического термина данное слово, чаще в форме множественного числа, обозначает различные сектора экономики, например: „reiner [technologischer] Zweig“ («чистая [технологическая] отрасль» (понятие межотраслевых балансов)); „extraktive Zweige“ («добывающие отрасли»); „führende Zweige der Wirtschaft“ («ведущие отрасли народного хозяйства»); „vorgelagerte Zweige“ («смежные отрасли, в технологическом отношении предшествующие другим отраслям»); „nachgelagerte Zweige“ («смежные отрасли, следующие в технологическом отношении за другими отраслями»); „nichtproduzierende Zweige“ («непроизводительные отрасли»); „verflochtene Zweige“ («сопряженные отрасли») и т. д.

В социальной реальности метафора „der Zweig“ может описывать часть, аспект, субсферу определенной деятельности: „Ich weiß, dass gerade dieser Zweig der Volkshochschularbeit gelegentlich kritisiert wird“ (Rau 2002a: 251). „Die Bemühungen gelten allen Zweigen der Sozialpolitik“ (Staat und Politik 1980: 314).

Помимо этого в толковом словаре отмечено разговорное выражение „auf einen [keinen] grünen Zweig kommen“ (букв.: «(не) натолкнуться на зеленую ветвь») в значении „einen / keinen (wirtschaftlichen, finanziellen) Erfolg haben“ («(не) преуспеть, (не) добиться успеха, (не) пробиться (на верх)») [Lingvo 12]. В данном случае создание метафорического образа сопряжено с опосредованным образом переосмыслением: зеленая ветвь символизирует рост, пробуждение природы весной, а собственно весна – это пора роста, цветения, процветания („der grüne Zweig steht in dieser Wendung bildlich für das Wachsen der Natur im Frühjahr“ [DGW 2000]). Данное выражение встречается и в политических речах, ср.: „Die Grünen kommen in Rheinland-Pfalz weiterhin auf keinen grünen Zweig. Obwohl sie zum ersten Mal mit nur einem Spitzenkandidaten und ohne Zersplitterung in vier Bezirkslisten auftraten, war die eher bieder agierende Partei letzten Endes froh, wahrscheinlich „dem Fallbeil knapp entgangen“ (so ein Grüner) und im Landtag geblieben zu sein“ (Berliner Zeitung 2001).

Лексема „der Auswuchs“ («отросток») обозначает следствия определенных явлений (одно явление как бы растет из другого), неся при этом отрицательную оценку (ср.: „der Auswuchs“ – „[krankhafte] Wucherung“ [DGW 2000]). Помимо прочего, много негативных тенденций испытывает на себе экономика ФРГ из-за глобализации, «отростки которой» как раз тормозят экономическое развитие:

„Sie protestieren gegen Auswüchse der Globalisierung“ (Rau 2002a: 374) (букв.: «Они протестуют против отростков глобализации»).

Очень прочно закрепился в словаре современного немецкого языка образ плодов, выражающий значение «результаты какой-либо определенной деятельности». Данная лексическая единица встречается в разных контекстах, и довольно часто она получает дальнейшее образное развитие за счет введения других, новых фитонимов, апеллирующих к ее внутренней форме и создающих впечатления о буквальных действиях, процессах, состояниях, происходящих с плодами.

Так, например, как плоды требуют время для созревания и цветения, так и определенные политические решения, нововведения, реформы требуют время на то, чтобы постепенно улучшать, модернизировать государственную систему и отдельные ее части, например, немецкую систему школьного образования: „Ich beobachte eine Ungeduld, die schnell nach den Früchten der Bildung fragt, ohne zu bedenken, dass eine gute Frucht auch eine Zeit der Reife und eine gute Blüte braucht“ (Rau 2001a: 39 – 40).

Достижение определенного результата эксплицируется метафорическим вербальным словосочетанием „Früchte tragen“ («принести плоды»): „Wie man sieht, hat die Erfüllung Früchte getragen. „Gezielte Problemlösung“ zusammen mit den am Marktprozess Beteiligten – so versteht auch die Task Force des Bundesministeriums für Wirtschaft ihre Aufgaben“ (Müller 2003a). „Die Deutschen in der DDR waren nicht dümmer und nicht fauler als die Deutschen im Westen, aber unter den gegebenen Bedingungen konnte ihre Leistungsfähigkeit und ihre Leistungsberietschaft nicht die gleichen Früchte tragen“ (Rau 2000: 41).

Когнитивным антонимом «спелых (созревших) плодов» („reiche Früchte“) выступают «ядовитые плоды» („Giftfrüchte“), эксплицирующие неудачи, провалы и т. п., например: „Ich wünsche mir, dass dieser Austausch auf allen diesen Ebenen in der Politik, in der Wirtschaft, in der Kultur und vor allem für die Menschen reiche Früchte trägt, dass es keine Giftfrüchte gibt, wie Sie heute gesagt haben“ (Rau 2002a: 124).

Помимо этого «плоды» (как результат работы) выполняют еще одну очень интересную функцию: они сигнализируют о намерениях, планах политиков, о направлении их работы (подобно тому, как по плоду можно сказать, с какого он дерева, на каком дереве данный плод растет). При этом реальным действиям противопоставлены «слова, ключевые высказывания» („die Sprüche“), ср.: „Wie sieht es bei dem Herrn aus, der als Kanzlerkandidat auftritt? Auch hier rate ich uns: An ihren Früchten und nicht an ihren Sprüchen werdet ihr sie erkennen. <...> Nein, meine Damen und Herren, an ihren Früchten wollen wir sie erkennen“ (Repnik 1998: 10).

Из наименований видов плодов в немецкой лингвокультуре доминируют «яблоко» („der Apfel“) и «груша» („die Birne“). Они встречаются, в частности, в таких выражениях, как „Äpfel und Birnen zusammenzählen“ / „Äpfel mit Birnen addieren“ / „Äpfel und/mit Birnen vergleichen“, имеющих значение „Un-

vereinbares zusammenbringen“ [Lingvo 12] («совещать несовместимое»), ср.: „Liberalisierungseffekte lassen sich schwerlich beurteilen, wenn Äpfel mit Birnen verglichen werden. Wir werden dazu mit der Kommission diskutieren müssen, denn schließlich hat auch sie sich die Förderung erneuerbarer Energien und der Kraft-Wärme-Kopplung vorgenommen“ (Müller 2003a).

От названия плода банановой пальмы (одноименного банана) в английском языке в свое время возникло выражение “banana republic”, калькированное как пренебрежительное понятие как в немецкий язык („die Bananenrepublik“), так и в русский («банановая республика»). У данной номинации в толковом словаре немецкого языка отмечена следующая трактовка: „kleines Land in den tropischen Gebieten Amerikas, das besonders vom Export von Bananen lebt (und von fremdem, meist US-amerikanischem Kapital abhängig ist)“ [DGW 2000], например: „Unter dem Titel Kultur werden in dieser Stadt Hobbys auf eine Art gefördert, die nur in einer Bananenrepublik möglich ist“ (Neue Zürcher Zeitung 29.08.86: 33). „Wo aber bleibt da die geistig-moralische Wende? Es geht wohl eher in Richtung Bananenrepublik“ (Saarbrücker Zeitung 12.12.96: 1).

Следует отметить, что изначально понятие «банановая республика» применялось действительно только к беднейшим южноамериканским странам, которые жили от экспорта бананов и зависели от американского капитала, но со временем данная метафора стала употребляться по отношению к любому государству (вне зависимости от того, растут ли там бананы), которое попало в политическую зависимость от более сильного государства и выполняет его условия, требования. Чаще всего под «сильным государством» имеются в виду США и их западно-европейские союзники по НАТО.

Свойства и перцептивные качества «плодов» (например, зрелый, спелый, червивый) создают соответственно положительную или отрицательную оценку об разнообразных объектах и явлениях немецкой и европейской социальной реальности, приписывая им различные качества.

Так, прилагательное „madig“ («червивый») в прямом значении выражает процесс или результат работы червяков и личинок, лишивших/лишающих плод его части. В сочетании с глаголом „machen“ в разговорной речи появляются уже значения „schlecht machen, herabsetzen“ («испортить») и „etwas gründlich kritisieren, schlecht machen und dadurch j-m die Freude daran nehmen, es j-m verleiden“ («что-то сильно критиковать, (с)делать плохо и посредством этого лишить кого-то радости (испортить настроение), причинить кому-либо что-либо»). В обоих представленных выражениях как бы образно переосмыслиются буквальные действия в отношении с червивым плодом: так, в первом случае наличие червяка в плоде портит его, откуда и взялось значение «испортить что-либо», а во втором случае субъект уже сам предстает в виде червяка, который портит чужой плод, лишая человека радости (от вкушения или созерцания) и портя ему настроение (аппетит).

В контекстуальном употреблении определенная дистрибуция способна придать лексической единице особый смысл, который также будет оперировать к внутренней форме слова в его первичном значении. Так, при предикации атрибута „madig“ по отношению к такому явлению, как «социальная помощь» („die Sozialhilfe“), возникает одновременно сразу несколько смыслов, в том числе и «испортить», и «сильно критиковать», а также «урезать, снижать», в связи с чем сразу возникает образ «червя» (политические оппоненты), которые съедают «социальную помощь», делая ее соответственно меньше, ср.: „Meine Damen und Herren, Sie sollten aufhören, die Sozialhilfe madig zu machen“ (Fink 1998: 5). „Er hat vorhin gesagt, daß wir die Sozialhilfe madig machten und daß die Arbeitsämter all diese Aufgaben gar nicht leisten könnten (Buntenbach 1998: 6).

Если весь плод целиком, как правило, представляет собой результат какой-либо/чьей-либо деятельности, то номинация ядра/косточки („der Kern“) выражает «самое важное, существенное», то есть причину или источник чего-либо, как это, например, представлено в следующих устойчивых выражениях:

– „Das ist der Kern der Frage / des Problems“ («В этом (состоит) суть вопроса / проблемы»).

– „der politische Kern einer Sache“ («политическая сущность вопроса»);

– „der wesentliche [wahre, eigentliche, tiefere] Kern einer Angelegenheit“ («главная [подлинная, истинная] сущность дела»).

В настоящее время слово „der Kern“ получило широкое распространение в немецком языке и сочетается со словами разных предметных областей и наук (биология, медицина, политология, деревообработка и кожевенное дело, спорт, металлургия, электроника и электротехника, язык охотников и т. д.).

Имена существительные в значении «семя / семечко (ед. ч.) / зёрна / семена (мн. ч.)» („der Same(n)“, „die Saat“) в переносном, метафорическом смысле выражают инструмент, посредством которого осуществляются определенные действия: „Samen der Zwiétracht“ («семена раздора»); „Die Saat des Bösen, der Gewalt, der Zwiétracht war aufgegangen“ (букв.: «взошли семена зла, насилия, раздора»).

В группе фитоморфных метафорических наименований представлены также важные для растительного организма этапы жизнедеятельности: рост и цветение растений, посев и уборка урожая и пр., а основой для переноса наименования служит сходство по производимому действию.

Процессы «роста», «расцвета», «цветения» („wachsen“, „blühen“, „florieren“) характеризуют интенсивное развитие каких-либо явлений, например, в экономике, в международных отношениях и т. д. При этом когнитивная оценка в политическом дискурсе может быть, в зависимости от того, какой объект описывается, как положительной, так и отрицательной, ср., например: „Die EU wird an und mit ihren Aufgaben wachsen“ (Fischer 1998: 16). „Die Einsicht, dass die neuen Erkenntnisse zwischen den

Lehrstühlen und Fakultäten blühen, haben schon viele gehabt“ (Rau 2002a: 151).

Особое успешное осуществление какой-либо деятельности обозначается процессом «процветания, бурного цветения» („florieren“): „Der deutschtschechische Handel floriert, deutsche Investitionen sind in Tschechien willkommen, die kulturellen Kontakte sind eng und herzlich“ (Rau 2002b: 435).

В целом метафора роста уже давно и прочно укоренилась в словаре, при этом в социальной сфере она описывает чаще всего финансово-экономические показатели (ср. в рус. яз.: «цены растут», «рынок растет», «акции растут» и пр.): „Dieser Markt ist entstanden, und er wächst in einem atemberaubenden Tempo“ (Schröder 2003a). „Wir haben der Wirtschaft abverlangt, dass sie wieder autonomer wachsen muss. Wenn man permanent Subventionen in die Wirtschaft streut, kann man Wachstum generieren“ (Eichel 2003). „Wenn der Welthandel, wie es in den vergangenen ein oder zwei Jahren der Fall war, gar nicht mehr wächst, dann nimmt der deutsche Export trotzdem noch um sieben Prozent zu“ (Eichel 2003).

Префиксные дериваты глагола „wachsen“ номинируют аспекты процессов «прироста, прибавления, увеличения» („zuwachsen“, „der Zuwachs“ и пр.) и «одновременного роста» („mitwachsen“) нескольких объектов. Так, например, в сфере международных отношений речь может идти о «приросте» безопасности: „Und was können wir leisten, um im internationalen Maßstab Sicherheitszuwächse zu erreichen?“ (Schröder 2003b).

Параллельный рост необходим, например, в экономике, чтобы оставаться конкурентоспособным в современных экономических реалиях, например: „Wer aber mit diesem Markt mitwachsen und diese Trends mitbestimmen will, der muss auch auf dem neuesten Stand sein“ (Müller 2003c).

Очень часто осуществление роста напрямую зависит от внешних условий, являющихся благоприятными или неблагоприятными для него. Для хорошего роста требуется плодородная почва, на которой можно было бы что-то посадить и выращивать, например: „Ich hoffe, dass das Jüdische Museum in Berlin vom Leid erzählt, aber auch den Reichtum wiedergibt, der verloren gegangen ist, damit wir einen Boden finden, auf dem wieder etwas wachsen und blühen kann“ (Rau 2000: 210).

Наконец, процесс созревания плодов („reifen“) образно описывает осуществление длительных, длящихся процессов. Это касается, прежде всего, работы системы высшего образования и научных учреждений Германии: „Der offensichtliche, der ganz praktische Nutzen der Wissenschaft hat aber auch zwei Folgen, die uns zu denken geben sollten: Erstens: Die Wissenschaft gewinnt viele Freunde, die lieber Äpfel essen als Bäume pflanzen ... Was meine ich damit? Ich habe manchmal den Eindruck, dass erstens Ökonomie und Politik aus lauter Begeisterung über die praktischen Nutzenwendungen der Wissenschaft häufig vergessen, das die nutzbringenden Früchte erst reifen müssen“ (Rau 2001b: 322).

Для получения хорошего урожая за растениями нужно ухаживать: сеять их, поливать, пропалывать, собирать урожай. Точно также и в сфере политики для получения определенного результата приложить много усилий. Глагол „säen“ означает «сеять, посеять (семена)», в переносном смысле он выражает распространение чего-либо, каких-либо идей, действий (ср. в рус. яз.: «сеять панику», «сеять разумное, вечное, доброе» и т. д.). Метафорический образ в данном случае возникает, как правило, при переходе из сферы конкретного (буквально выполняемое действие) в сферу абстрактного (то есть манипуляции с абстрактными объектами). То же самое относится и к существительному „der Säuer“ («сеятель»), который в прямом значении указывает на осуществляющего полевые работы, а в переносном – на осуществляющего распространение чего-либо.

Переносный смысл реализуется, в том числе, в соответствующей немецкой поговорке „Was der Mensch säet, das wird er ernten“, у которой есть русский эквивалент (ср. в рус. яз.: «Что посеешь, то и пожнешь»).

Усиление передаваемого качества и эмоциональной нагрузки происходит при одновременном употреблении двух семантически близких слов разных частей речи в выражении „den Samen (der Zwiétracht) aussäen“ («сеять (семена) раздора»). В стилистической науке такое явление называется „Figura etymologica“ (в российской германистике это называется «тавтологический повтор», являющийся частью варьированного подхода, представляющего собой в свою очередь разновидность лексического повтора).

Глагольный префиксный дериват „übersäen“ («слишком густо посеять, усеивать») в метафорическом контексте выражает очень большое, чрезмерное проявление какого-либо действия, часто – в негативном смысле: „Kein Land der Erde ist so mit Mienen übersät, ja verseucht, wie Afghanistan“ (Rau 2002a: 468).

Процесс посадки („pflanzen“) деревьев (яблони и иных плодовых) отражает образовательную и гуманитарную деятельность, направленную на сохранение и распространение научных идей, поддержку молодых исследователей, научных проектов и т. д., тем самым обеспечивая задел на будущее для научной среды, ср., например: „Es ist mir wichtig, der Max-Planck-Gesellschaft dafür zu danken, dass sie über den Äpfeln die Apfelbäume nicht vergisst, und das sie die Apfelbäume nicht nur pflegt, sondern auch immer wieder neue pflanzt“ (Rau 2001b: 323 – 324).

Пересадка („verpflanzen“) при предикации в сферу абстрактных объектов сохраняет сходство по производимому действию и выражает перемещение политического субъекта с одной локализации в другую. Так, в парламентских дебатах 1991 г. переезд части правительственных органов из Бонна в Берлин, новую столицу единой Германии, одним из депутатов бундестага был образно представлен как «разделение, разрыв» („reißen“) и «пересадка» („verpflanzen“) федерального правительства и парламента: „Das heißt, auch hier muß sich noch einiges

ändern. Aber das, meine Damen und Herren, schaffen wir doch ganz bestimmt nicht, wenn wir Regierung und Parlament einfach verpflanzen und künstlich auseinanderreißen“ (Wetzel 1999).

Сбор урожая („ernten“, „die Ernte einbringen“) представляет использование результатов чьей-либо работы. Наглядно эта ситуация передается в выражении „die Früchte ernten“ («собирать плоды»), как это, в частности, реализуется в следующем контексте, в котором речь идет о немецкой системе образования: „Die Pflege des Eigensinns der Wissenschaft ist zunächst einmal die Aufgabe der Wissenschaft selber. Die Politik muss sich das Bewusstsein dafür erhalten, dass dieser Eigensinn notwendig ist, wenn man die Früchte der Wissenschaft für alle ernten will, und sie muss nach dieser Einsicht handeln“ (Rau 2002a: 289).

Традиционный образ строится на базе субстантивного фитонима „der Strohhalme“ («соломинка»), входящего в состав устойчивого выражения „nach dem rettenden Strohhalme greifen“ (ср. в рус. яз.: «хвататься за спасительную / последнюю соломинку»), имеющего значение „eine letzte, wenn auch wenig aussichtsreiche Chance, die aus einer schwierigen, bedrückenden Lage heraushelfen könnte, wahrnehmen, ausnutzen“ [DGW 2000].

Это же выражение может встречаться и в усеченном (эллиптическом) виде, когда используется только имя существительное «соломинка» в значении «последняя надежда», «последний шанс», «последняя возможность», как это, например, представлено в следующем случае, когда оратор обращается к политическим оппонентам с просьбой не искать повода спекулировать на кризисных явлениях, чтобы критиковать политику правительства: „Ich warne Sie: Spekulieren Sie nicht auf die Krise, in der Hoffnung, daß es dann vielleicht einen Strohhalme für Sie gibt“ (Lafontaine 1998: 5).

В немецком политическом дискурсе также активно актуализируются и ситуации местоположения растений, места их произрастания (почва, поле, лес и пр.). Механизмом создания метафорических образов в данном случае являются сходство уподобляемых объектов по функции или сходство по внешней форме.

Почва, особенно плодородная („der fruchtbare Boden“) описывает условия, необходимые для принятия определенных политических решений, для развития международного сотрудничества, для развития внутри страны науки, культуры, искусства: „Ich hoffe, dass das Jüdische Museum in Berlin vom Leid erzählt, aber auch den Reichtum wiedergibt, der verloren gegangen ist, damit wir einen Boden finden, auf dem wieder etwas wachsen und blühen kann“ (Rau 2000: 210).

Хорошие, с точки зрения оратора, идеи (например, о сохранении размера пособия по безработице) становятся «семенами зерновых культур» („das Samenkorn“) в плодородной земле: „Dann gibt es begründete Hoffnung, dass Hilfe nicht versickert, sondern zu einem Samenkorn in fruchtbarem Boden wird“ (Rau 2002a: 203).

В качестве благоприятного места для развития чего-либо может выступать конкретный топонимический пункт, где создаются соответствующие условия: „Genau so bedeutsam ist sein Anteil am geistigen Haushalt unserer Nation: Wie schon zu den Zeiten Hartmann von Aues und Johannes Reuchlins ist Baden-Württemberg auch heute ein fruchtbarer Boden für Dichtkunst und Gelehrsamkeit. Es ist ein „Orchesterparadies“ genannt worden, und es hat Ballettensembles, Opernhäuser und Sammlungen bildender Kunst hervorgebracht, von denen etliche wahrlich Weltruf genießen“ (Rau 2002b: 263).

Помимо этого слово „der Boden“ входит в состав выражения „den Boden entziehen“ (букв.: «лишить почвы (убрать почву)») (ср. в рус. яз.: «почва ушла (у меня) из-под ног»), которое эксплицирует ситуацию лишения кого/чего-либо материальных и идеологических ресурсов, источников. В начале XXI века эта метафора часто использовалась в речах, посвященных борьбе с терроризмом, где в контекстах говорилось о том, что «пророков силы» надо лишить «почвы», как это представлено в следующих фрагментах: „Wenn wir den Terrorismus besiegen wollen, brauchen wir einen langen Atem. Wir müssen bereit bleiben, notfalls auch militärisch einzugreifen. Vor allem aber ist ein politisches Handeln gefragt, das den Propheten der Gewalt im Vorhinein, also präventiv, den Boden entzieht“ (Rau 2002b: 44-45). „Das genügt aber nicht. Wer den Terrorismus wirklich besiegen will, der muss dafür sorgen, dass den Propheten der Gewalt der Boden entzogen wird. Dieser Boden bildet sich aus Armut und Unterentwicklung, aus Unterdrückung und aus politischer und kultureller Ausgrenzung“ (Rau 2002b: 234). „Wir müssen Armut und Ausbeutung, Elend und Rechtlosigkeit bekämpfen und damit dem Terror der Nährboden entziehen“ (Rau 2002a: 279).

У слова „die Plantage“ («плантация») при метафорическом употреблении активизируется сема большого размера (большое поле с множеством посадок), то есть речь идет о достижении высоких результатов в работе, о прибыли, например: „Die Orte der Wissenschaft sind zuerst Tempel nagenden Zweifels und furchtloser Respektlosigkeit und erst dann sind sie Brutplätze freudlicher Nützlichkeit; sie sind zunächst weite Landschaften, in denen der Erkenntnistrieb frei umherschweift, und erst dann sind sie Plantagen des Bruttosozialprodukts“ (Rau 2001b: 322).

При изменении социально-экономических условий, смене политики и пр. речь может идти об изменении почвы (предполагаемом появлении какой-то иной, другой почвы) или ее качеств, что выражает трансформацию свойств изображаемых объектов социальной реальности, например: „Der Boden für Zuwanderung und Integration hat sich verändert. Er ist möglicherweise nicht mehr so fruchtbar, wie er vielleicht vorher war“ (Rau 2002a: 400) (букв.: «Почва для иммиграции и интеграции изменилась. Она ... уже не такая плодородная...»).

Слово „das Feld“ («поле») является многозначным в немецком языке, и некоторые значения имеют статус терминов и специальной профессиональной лексики, которые охватывают самые разные науки,

сферы деятельности: спорт, сельское хозяйство, физика и языкознание (термины „Feldstruktur“, „Wortfeld“ и др.).

В переносном смысле оно означает «поприще», «сферу применения сил, таланта, средств и пр.». Помимо этого, данная лексема реализуется в различных идиоматических выражениях (словосочетаниях и предложениях), уже занесенных в толковый словарь современного немецкого языка [Lingvo 12], например:

– „jemanden, etwas aus dem Feld(e) schlagen“ (букв.: «выбить кого-то/что-то из поля») в значении „jemanden, etwas verdrängen, vertreiben“ («вытеснить кого-либо, что-либо, ликвидировать что-либо»);

– „etwas (gegen jemanden) ins Feld führen“ (букв.: «вести что-то (против кого-то) в поле») – „etwas (gegen jemanden) vorbringen, geltend machen“ («приводить в доказательство что-либо, выставлять (в качестве аргумента) что-либо (против кого-либо)»);

– „Das ist ein (zu) weites Feld“ (букв.: «это (слишком) широкое поле (для обсуждения)»). – „ein Thema sein, zu dem sich viel sagen ließe“ («тема, к которой можно было бы (очень) многое сказать»).

Ввиду частого использования слова „das Feld“ в разных типах дискурса интересным представляются те случаи, когда при употреблении в переносном смысле у слова активизируется его буквальное значение за счет использования в контексте лексических единиц, обозначающих действия, процессы, качества, которые могут быть совершены/приписаны полю в реальной действительности.

Так, в следующем ниже контексте подлежащее „das weite Feld“ сочетается с глаголом-сказуемым „durchschreiten“ («пройти», «обойти», «исходить», «ступить»), стоящим в пассивном залоге, вследствие чего возникает образ кого-то, кто ходит по полю. В связи с активизацией внутренней формы за счет глагола и само сочетание прилагательного-атрибута с существительным „das weite Feld“ начинает восприниматься в буквальном смысле («широкое поле») как субъект и его признак, а не как часть идиомы. И, таким образом, возникает новый яркий метафорический образ «широкого поля образования и науки» как обширной, безграничной области, которую нельзя полностью обойти (то есть исчерпать): „Mit den genannten Punkten ist das weite Feld von Bildung und Forschung natürlich längst noch nicht vollständig durchschritten“ (Bulmahn 2003).

Лексема „der Dschungel“ («джунгли») в метафорическом употреблении в свою очередь активизирует сему большой плотности, на которую накладываются также значения большого количества, запутанности (в джунглях очень много растений, которые покрывают весь лес), где можно легко потеряться. Таким образом, метафора «джунгли» описывает ситуацию неблагоприятных условий для какой-либо деятельности.

Так, экономической деятельности мешает большое количество законов („der Dschungel der Normen“, „der Paragraphendschungel“), в которых могут разобрататься только специалисты: „Sie muss die Klage ernst nehmen, dass die kleinen und mittleren Unternehmen er-

hebtlich mehr als die großen Unternehmen unter dem Dschungel der Normen leiden, unter Verwaltungsvorschriften, unter steuerlichen Regelungen und unter allzu vielen staatlichen Vorgaben“ (Rau 2000: 158). „Wir brauchen ein verständliches und überzeugendes Projekt, nicht sieben Verträge mit dreizehn Nachträgen und fünfundzwanzig Veränderungen, durch deren Paragraphendschungel sich nur noch hochspezialisierte Experten lavieren können. Wir brauchen eine europäische Verfassung“ (Rau 2001a: 333).

Помимо этого, джунгли – это еще и очень опасное место, где работает закон выживания («чтобы выжить, надо быть сильным»). Система рыночной экономики Западных стран (в противовес бывшим социалистическим странам) по данному признаку также уподобляется «джунглям» (в то время как системы соцстран предстают как «тоталитарный зоопарк»): „Europa strebt nach einer Sozialordnung, die nach dem schönen Wort von Jorge Semprun „jenseits des Dschungels des Marktes und diesseits des totalitären Zoos“ liegt“ (Rau 2001b: 73).

Невнятная политика по реформированию системы образования ФРГ в речи оратора уподобляется бесперспективному блужданию по «джунглям знаний» („der Wissensdschungel“), в которых даже непонятно, в каком направлении надо пробивать дорогу („Schneisen schlagen“), так как лес очень густой („wuchern“). В этом контексте развертывание метафорического образа густого леса происходит введением новых лексических единиц, описывающих ситуацию теми же терминами «лесной тематики» («пробиваться сквозь лес; лес разросся; искать дорогу, дороги стали непроходимыми» и т. д.) в рамках одного высказывания (грамматически – сложноподчиненного предложения с двумя придаточными): „Wie schlagen sie Schneisen in den Wissensdschungel, der so wuchert, dass Wege durch ihn nahezu unbegehrbar geworden sind?“ (Rau 2001a: 143).

Таким образом, как показывает проведенное исследование, фитоморфная метафорика проявляет в немецком политическом дискурсе определенные общеязыковые, то есть характерные для всей немецкой лингвокультуры, и окказиональные, свойственные только для немецкой политической культуры, семантические свойства. Метафоры растений, описывающие особенности социальной реальности и одновременно (вос)создающие ее, занимают в языковом арсенале немецких политиков весомое место и имеют большие возможности для развертывания яркого метафорического образа в самой разнообразной лексико-грамматической дистрибуции.

Литература

1. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. – 240 с.
2. Kövecses, Z. Metaphor: A practical introduction [Text] / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.

Словари и их сокращения:

1. [Lingvo 12] – ABBYY Lingvo 12: Multilingual Trial. – М.: ABBYY Software, 2006. – CD ROM.

2. [DGW 2000] – Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2000. – CD ROM / PC-Bibliothek Version 2.01 mit Plus-Paket (Die CD-ROM basiert auf der 3., völlig neu bearbeiteten und erweiterten Auflage der Buchausgabe in 10 Bänden – 1999).

Источники примеров:

- Bulmahn E. „Bildung und Qualifizierung für das 21. Jahrhundert“: Rede auf dem Jahresempfang der Industrie- und Handelskammer (Kiel, den 16. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-03-2.
- Buntenbach A. Regierung arbeitet nur noch mit Tricks // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 6.
- Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung: „Vor einem neuen Aufschwung – Verlässliche Wirtschafts- und Finanzpolitik fortsetzen“ in der Debatte der 218. Sitzung im Deutschen Bundestag (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003. – Nr. 2002-11-1.
- Fink U. Sie haben nichts dazugelernt // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 5-6.
- Fischer J. Die EU im Aufbruch: Der Vertrag von Amsterdam // IN-Press: Sonderthema. – 1998. – ST 2. – 18 S.
- Glotz P. Rede in der Berlin-Debatte. – Web document 1999. – URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_014.html.
- Lafontaine O. Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 4 – 6.
- Müller W. „Europa unter Strom – Wer liberalisiert am besten?": Rede auf der 9. Handelsblatt-Jahrestagung Energiewirtschaft 2001 „Fünf Jahre Liberalisierung“ (Berlin, den 15. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003a. – Nr. 2002-03-1.
- Müller W. Rede bei der Eröffnung der Vertretung des Deutschen Industrie- und Handelskammertages für Jugoslawien (Belgrad, den 18. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003b. – Nr. 2002-03-3.
- Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003c. – Nr. 2002-17-1.
- Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. – Bd. 1.1 (23. Mai – 31. Dezember 1999). – 336 S.
- Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. – Bd. 2.1 (1. Juli – 31. Dezember 2000). – 400 S.

- Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. – Bd. 2.2 (1. Januar – 30. Juni 2001). – 512 S.
- Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. – Bd. 3.1 (1. Juli – 31. Dezember 2001). – 480 S.
- Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. – Bd. 3.2 (1. Januar – 30. Juni 2002). – 672 S.
- Repnik H.-P. Mehr Investitionen als neue Schulden // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 9 – 10.
- Schröder G. „Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen“: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). – Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999. – 88 S.
- Schröder G. Rede beim World Economic Forum (New York, den Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003a. – Nr. 2002-06-1.
- Schröder G. Rede auf dem Empfang der Deutsch-Brasilianischen Handelskammer (Saõ Paulo, den 13. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2003b. – Nr. 2002-09-3.
- Staat und Politik / Hrsg. von E. Fraenkel, K.D. Bracher. – Frankfurt am Mein: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1980. – 413 S. – (Fischer Lexikon; 2).
- Weizsäcker R.V. Von Deutschland aus. – Berlin: Siedler Verlag, 1988. – 108 S.
- Wetzel K. Rede in der Berlin-Debatte. – Web document 1999. – URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_071.html.